

26 II 1939

«СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО»

Народная артистка

Екатерина Павловна Корчагина-Александровская с отличающей ее благородной скромностью совершенно серьезно сказала как-то, что в своей нынешней деятельности она не видит особой заслуги: она-те поставлена в такие условия, в которых работать легко. «Приду я в театр, уборная у меня — видите, какая! Все для меня приготовлено, портнихи вокруг меня хлопчут, одевают, как невесту к венцу... А вот в прежнее время, когда я утром — Генриэтта в «Двух сиротках», а вечером — какая-нибудь графиня, а ночью сама стираю, перешиваю старые тряпки, которые по пальцам одной руки сочтешь, а завтрашний день бог его знает, что еще случится, а дома дети маленькие... Вот тут работать было, действительно, заслуга!»...

Кому хоть раз привелось услышать от самой Екатерины Павловны волнующий рассказ о ее жизни, тот, конечно, запомнил его навсегда. Цыганское детство без школы, без радости верных подруг, ранние житейские заботы, обрушившиеся на Екатерину Павловну с 14 лет, когда она стала профессиональной актрисой и кормильцем семьи, полуголодные актерские скитания, тяжелые утраты в личной жизни, — все как бы сговорилось сделать из Корчагиной-Александровской одну из тысяч маленьких актрис-ремесленниц. И все это — горькое, а подчас и страшное — переживала эта удивительная женщина в великолепное творчество, из всего отделила незабываемые образы и наперекор всему стала тем, о чем мечтала крохотным ребенком: великой артисткой!

Из «жизни на колесах», из вагонов 3-го класса, из комнатух, снимаемых за 5 рублей в месяц на окраинах тех городов, где приходилось служить в театре, Екатерина Павловна почерпнула тот богатейший жизненный опыт, которым она насыщает всякий сценический образ. Глубокие образы драматургии Островского и

Гоголя — у нее не мертвая академическая традиция, они полны метких и острых личных наблюдений. Из этих же заметок собственного ума и сердца выросли и нейтральные до того образы Горького и Чехова, а позднее — и советской драматургии, будь то бабка Козлиха в «Вирине» или санитарка Христина в «Платоне Кречете». Из личных переживаний выросли и созданные Екатериной Павловной изумительные образы трагического материнства, — безымянная мать в «Пугачевщине» Тренева, мать Ивана Каляева и отчиста Клара в «Страхе».

Из своей тяжелой актерской молодости Екатерина Павловна вынесла не только знание жизни, но и братское сочувствие ко всему тому, что страдало, придавленное, захамленное дореволюционным строем. Как ни горько приходилось порою самой Екатерине Павловне — кругом нее люди жили еще хуже. И от этих людей Корчагина-Александровская видела много человеческого тепла и участия. Невозможно слушать без волнения, как ее, голодную 15-летнюю девочку-актрису, очутившуюся в Москве без копейки из-за краха театра, кормили в дворницкой щами и черным хлебом. Этот рассказ Корчагиной-Александровской — такой же шедевр, как ее роли. Вспоминая этот период своей жизни, Екатерина Павловна может повторить некра-

Народная артистка СССР
Е. П. Корчагина-Александровская

совский стих о русском народе:

Пусть много скорбей
тебе пало на часть, —
ты делишь чужие
печали.
И, где мои слезы
готовы упасть,
твои там давно уж
упали...

Все эти друзья из народа любили и жалели Екатерину Павловну не только как зрителя актрису. Вряд ли они часто видели ее на сцене, — театр в то время существовал не для них. Оттого-то с такой искренней горячностью приняла Екатерина Павловна Октябрьскую революцию, оттого с такой жаждой радостью бросилась она в работу для этого нового зрителя — старого друга!..

О великодушном материнстве Корчагиной-Александровской много написано и будет написано. Мне бы хотелось лишь отметить две черты. Это, прежде всего, высочайшая социальная правда сценического образа. Каждый образ, ею созданный, дан всегда во всей многообразной обусловленности своей. Так, Домна Пантелеевна, смешноватая, трогательная, замученная мать актрисы — вместе с тем кусок царской России с ее гнусным отношением к актеру, трагедия всех Негинных и их матерей. Кукушкина — живой сгусток той жизни, где мужчины должны были драться за доходное место, а женщины — ловить доходных мужей и учить этому же своих дочерей. Поражает в Корчагиной-Александровской и

ее безошибочное чутье к правде художественной. Когда в 1925 году Ленинградский государственный академический театр драмы поставил «Смерть Пазухина», то в спектакле получился резкий диссонанс между «александринскими традициями» большинства исполнителей и гротесковым оформлением художника М. Левина. Одна только Корчагина-Александровская поразила всех какими-то новыми, необычными чертами, найденными ею для роли Живодевой. Сама Екатерина Павловна с большим юмором объясняла это тем, что на сцене «все было кривое: и пол, и стены...» С замечательной чуткостью она почувствовала в «кривых декорациях» острое выражение щедринского гротеска. Она не испугалась их необычности и не приняла их «в штыхы», как некоторые другие, — наоборот, она вдумчиво присмотрелась к работе художника и нашла на своей богатейшей актерской палитре какие-то новые, созвучные ей краски...

Один из крупнейших дореволюционных поэтов еще молодым человеком с горечью писал: «Жизнь отшумела и ушла...» Екатерина Павловна Корчагина-Александровская — громадная актриса, замечательная женщина умного сердца и теплого сердечного ума — и в старости окружена звонкой, ликующей жизнью, в которой она активный участник и строитель. Мечтала ли когда-нибудь юная актриса, ночами караулившая от воров скопленные ею по пятничкам для больной матери 30 рублей, что она будет гордостью своей страны, что ее, актрису, призовут к управлению государством, что ее наградят высшим орденом в стране?

Слава актрисе, трудом и талантом достигшей такой высоты! Слава народу, ее воспитавшему! Слава правительству, так высоко награждающему в нашей стране подвиги искусства!

Александра БРУШТЕЙН

26 февр. 1939г.

Народная артистка

Екатерина Павловна Корчагина-Александровская с отличающей ее благородной скромностью совершенно серьезно сказала как-то, что в своей нынешней деятельности она не видит особой заслуги: она-то поставлена в такие условия, в которых работать легко. «Приду я в театр, уборная у меня — видите, какая! Все для меня приготовлено, портнихи вокруг меня хлопчут, одевают, как невесту к венцу... А вот в прежнее время, когда я утром — Генриэтта в «Двух сиротках», а вечером какая-нибудь графиня, а ночью сама стираю, перешиваю старые тряпки, которые по пальцам одной руки сочтешь, а завтрашний день бог его знает, что еще случит, а дома дети маленькие... Вот тут работать было, действительно, заслуга!»...

Кому хоть раз привелось услыхать от самой Екатерины Павловны волнующий рассказ о ее жизни, тот, конечно, запомнил его навсегда. Цыганское детство без школы, без радости верных подруг, ранние житейские заботы, обрушившиеся на Екатерину Павловну с 14 лет, когда она стала профессиональной актрисой и кормильцем семьи, полутогодные актерские скитания, тяжелые утраты в личной жизни, — все как бы сговорилось сделать из Корчагиной-Александровской одну из тысяч маленьких актрис-ремесленниц. И все это — горькое, а подчас и страшное — перекладывала эта удивительная женщина в великодушное творчество, из всего отлила незабываемые образы и наперекор всему стала тем, о чем мечтала крохотным ребенком: великой артисткой!

Из «жизни на колесах», из вагонов 3-го класса, из комнатухи, снимаемых за 5 рублей в месяц на окраинах тех городов, где приходилось служить в театре. Екатерина Павловна почерпнула тот богатейший жизненный опыт, которым она насыщает всякий сценический образ. Глубокие образы драматургии Островского и

Гоголя — у нее не мертвая академическая традиция, они полны метких и острых личных наблюдений. Из этих же заметок собственного ума и сердца выросли и нейтральные до того образы Горького и Чехова, а позднее — и советской драматургии, будь то бабка Козлиха в «Вирине» или санитарка Христина в «Платоне Кречете». Из личных переживаний выросли и созданные Екатериной Павловной изумительные образы трагического материнства, — безымянная мать в «Пугачевщине» Тренева, мать Ивана Каляева и отчасти Клара в «Страхе».

Из своей тяжелой актерской молодости Екатерина Павловна вынесла не только знание жизни, но и братское сочувствие ко всему тому, что страдало, подавлено, захваченное дореволюционным строем. Как ни горько приходилось порою самой Екатерине Павловне — кругом нее люди жили еще хуже. И от этих людей Корчагина-Александровская видела много человеческого тепла и участия. Невозможно слушать без волнения, как ее, голодную 15-летнюю девочку-актрису, очутившуюся в Москве без копейки из-за краха театра, кормили в дворницкой пами и черным хлебом. Этот рассказ Корчагиной-Александровской — такой же шедевр, как ее роли. Вспоминая этот период своей жизни, Екатерина Павловна может повторить некра-

Народная артистка СССР
Е. П. Корчагина-Александровская

совский стих о русском народе:

Пусть много скорбей
тебе пало на часть, —
ты делишь чужие
печали.

И, где мои слезы
готовы упасть,
твой там давно уж
упали...

Все эти друзья из народа любили и жалели Екатерину Павловну не только как зрителя актрису. Вряд ли они часто видели ее на сцене, — театр в то время существовал не для них. Оттого-то с такою искренней горячностью приняла Екатерина Павловна Октябрьскую революцию, оттого с такой жаждой радостью бросилась она в работу для этого нового зрителя — старого друга!..

О великодушном матерстве Корчагиной-Александровской много написано и будет написано. Мне бы хотелось лишь отметить две черты. Это, прежде всего, высочайшая социальная правда сценического образа. Каждый образ, ею созданный, дан всегда во всей многообразной обусловленности своей. Так, Домна Пантелеевна, смешливая, трогательная, замученная мать актрисы — вместе с тем кусок царской России с ее гнусным отношением к актеру, трагедия всех Негиных и их матерей. Кукушкина — живой сгусток той жизни, где мужчины должны были драться за доходное место, а женщины — ловить доходных мужей и учить этому же своих дочерей. Поражает в Корчагиной-Александровской и

ее безошибочное чутье к правде художественной. Когда в 1925 году Ленинградский государственный академический театр драмы поставил «Смерть Пазухина», то в спектакле получился резкий диссонанс между «александринскими традициями» большинства исполнителей и гротесковым оформлением художника М. Левина. Одна только Корчагина-Александровская поразила всех какими-то новыми, необычными чертами, найденными ею для роли Живодевой. Сама Екатерина Павловна с большим юмором объясняла это тем, что на сцене «все было кривое: и пол, и стены...» С замечательной чуткостью она почувствовала в «кривых декорациях» острое выражение щедринского гротеска. Она не испугалась их необычности и не приняла их «в штыхы», как некоторые другие, — наоборот, она вдумчиво присмотрелась к работе художника и нашла на своей богатейшей актерской палитре какие-то новые, созвучные ей краски...

Один из крупнейших дореволюционных поэтов еще молодым человеком с горечью писал: «Жизнь отшумела и ушла...» Екатерина Павловна Корчагина-Александровская — громадная актриса, замечательная женщина умного сердца и теплого сердечного ума — и в старости окружена звонкой, ликующей жизнью, в которой она активный участник и строитель. Мечтала ли когда-нибудь юная актриса, ночами караулившая от воров скопленные ею по пяткам для больной матери 30 рублей, что она будет гордостью своей страны, что ее, актрису, призовут к управлению государством, что ее наградят высшим орденом в стране?

Слава актрисе, трудом и талантом достигшей такой высоты! Слава народу, ее воспитавшему! Слава правительству, так высоко награждающему в нашей стране подвиги искусства!

Александра БРУШТЕЙН